

ПОСЛЕДНИЕ ПАССАЖИРЫ «ФИЛОСОФСКОГО ПАРОХОДА». К ИСТОРИИ ВЫСЫЛКИ ИЗ СССР РЕЛИГИОЗНЫХ ПАЦИФИСТОВ

А.И. Савин

Аннотация. Статья посвящена истории высылки из Советской России / Советского Союза в конце 1922–первой половине 1923 г. В.Г. Черткова и В.Ф. Булгакова, известных российских общественно-политических деятелей, возглавлявших последователей нравственного учения Л.Н. Толстого, а также близкого к толстовцам В.Ф. Марцинковского, одного из руководителей Российского студенческого христианского союза. На основании архивных документов, выявленных в РГАНИ, РГАСПИ и ГАРФ, в том числе впервые вводимых в научный оборот, исследуется отношение большевиков к двум главным концептам толстовства – религиозному пацифизму и личному нравственному совершенствованию как главному пути построения справедливого общества. Автор приходит к выводу, что со свойственной им прагматичностью большевики сделали все возможное, чтобы уже в начале 1920-х гг. дискредитировать пацифистские идеи толстовцев и дезавуировать легальное основание пацифизма в виде декрета СНК РСФСР от 4 января 1919 г., гарантировавшего освобождение религиозных пацифистов от службы в армии с оружием в руках. Кроме того, на примере судеб В.Г. Черткова, В.Ф. Булгакова и В.Ф. Марцинковского подробно анализируется механизм высылки за границу как мера борьбы с инакомыслящими советскими гражданами в начале 1920-х гг.

Ключевые слова: большевики, толстовцы, В.Г. Чертков, В.Ф. Булгаков, В.Ф. Марцинковский, ГПУ, пацифизм, высылка, «Философский пароход».

THE LAST PASSENGERS OF THE “PHILOSOPHER’S STEAMBOAT”. THE HISTORY OF THE EXPULSION OF RELIGIOUS PACIFISTS FROM THE USSR

A.I. Savin

Abstract. The article focuses on the exile of V.G. Chertkov and V.F. Bulgakov, well-known politicians and leaders of the Tolstoyan movement, and V.F. Marcynkowski, who was close to the Tolstoyans and was the head of the Russian Student Christian Union, from the Soviet Russia/Soviet Union in the end of 1922–first half of 1923. The article studies Bolsheviks’ attitude towards two main concepts of the Tolstoyan movement – religious pacifism and personal moral improvement as a main way of building just society. The study bases on the documents from the Russian Modern History Archive, the Russian State Archive of Socio-Political History and the State Archive of the Russian Federation. Some documents are presented for the first time. The author concludes that the pragmatic Bolsheviks did their best to discredit the pacifist ideas of the Tolstoyans in the early 1920s. Besides, they disavow the legal basis for pacifism granted by the decree of the Council of People’s Commissars of the RSFSR of January 4, 1919, which guaranteed the exemption from military service of religious pacifists. In addition, the article analyzes the mechanism of an exile as a measure against Soviet dissidents in the early 1920s on the example of V.G. Chertkov, V.F. Bulgakov and V.F. Marcynkowski.

Keywords: Bolsheviks, Tolstoyans, V.G. Chertkov, V.F. Bulgakov, V.F. Marcynkowski, GPU, pacifism, exile, “Philosophers’ steamboat”.

В конце 1922–начале 1923 г. из Советской России / СССР были высланы за границу около двух сотен видных представителей интеллигенции, оппозиционно настроенных по отношению к большевистскому режиму. В историографии и общественной памяти эта массовая высылка получила собирательное название «Философский пароход». История высылки инакомыслящих хорошо изучена, в том числе опубликованы три объемных сборника документов [Высылка вместо расстрела, 2005; «Очистим Россию надолго...», 2008; Остракизм по-большевистски, 2010]. Тем не менее, архивные находки все еще позволяют добавлять важные штрихи к истории «Философского парохода». В нашем случае такие документы были выявлены в тематическом «церковном» деле Политбюро ЦК РКП(б), хранящемся в Российском государственном архиве новейшей истории [РГАНИ, ф. 3, оп. 60, д. 21]. В них идет речь о попытке выслать из СССР духовных лидеров толстовцев: В.Г. Черткова – издателя и друга Л.Н. Толстого, В.Ф. Булгакова – бывшего секретаря Л.Н. Толстого, а также близкого к толстовцам В.Ф. Марцинковского, одного из руководителей Российского студенческого христианского союза¹. Эти документы дают здесь возможность дополнить картину взаимоотношений большевиков и толстовцев, в первую очередь, более подробно осветить отношение большевиков к двум главным концептам толстовства – религиозному пацифизму и личному нравственному совершенствованию как главному пути построения справедливого общества.

Советское государство никогда не было тоталитарным в том «чистом» виде, о котором писали, начиная с 1950-х гг. теоретики тоталитаризма и за что их справедливо критиковали позднее историки-«ревизионисты». Тем не менее историки советского общества могут продолжать использовать теорию тоталитаризма как «рабочий инструмент» с одной весьма существенной оговоркой: государство не было тоталитарным, однако все время претендовало на тотальный контроль над обществом. Попытки повысить «градус» этой тотальности периодически выливались в организованные репрессии. Массовая высылка инакомыслящей российской интеллигенции была одной из первых акций такого рода. Однако даже в ситуации гонений общество никогда не было молчаливой пассивной жертвой, различные социальные группы вырабатывали свои специфические тактики и стратегии приспособления и выживания. В случае с лидерами пацифистов это был оживленный диалог с властью, причем их дореволюционная демократическая и гуманистическая деятельность, равно как и широкая известность внутри и за пределами Советской России, давали возможность вести диалог на самом верхнем уровне.

БОЛЬШЕВИКИ И ТОЛСТОВЦЫ: СИТУАЦИЯ, ПРЕДШЕСТВОВАВШАЯ ВЫСЫЛКЕ

Если верить стихотворениям В.В. Маяковского, для большевиков главным «камнем преткновения» в отношении толстовцев был бескомпромиссный пацифизм последователей Л.Н. Толстого, заключающийся в отказе от службы в армии с оружием в

¹ В итоге В.Ф. Булгаков и В.Ф. Марцинковский были высланы за границу, В.Г. Чертков остался в Советском Союзе.

руках и резком неприятии смертной казни¹. В стихотворении «Лев Толстой и Ваня Дылдин» (1926 г.) Маяковский вывел тип толстовца-приспособленца, уклоняющегося от службы в РККА [Маяковский, 1957, с. 192–195]. В 1928 г. поэт призывал: «Пролетарий, сегодня отвернись, обхохочась, услышав травоядные призывы Толстых» [Маяковский, 1958, с. 331–333]. И, без сомнения, антитолстовский шедевр Маяковского – стихотворение «Вегетарианцы», написанное как отклик на празднование столетия со дня рождения Л.Н. Толстого²: «Травояднее, чем овцы, собираются толстовцы. В тихий вечер льются речи с Яснополянской дачи: “Нам противна солдатчина. Согласно нашей веры, не надо высшей меры”» [Маяковский, 1958, с. 308–309].

Для большевиков пацифизм был чужд органически. Неумолимая логика классово-борьбы оправдывала любое насилие, если этого требовали «интересы пролетариата». Любимым образцом для большевиков служила революционная Франция образца 1793 г., где якобинцы творили ужасные вещи с точки зрения обывателя, но якобы оправданные с точки зрения прогресса. В ноябре 1922 г., когда вопрос высылки толстовцев был уже фактически решен, Г.Е. Зиновьев призывал с высокой трибуны лишь к упорядочению террора: «Конечно, репрессия дело святое [...] Нужно только, чтобы Советская власть знала, когда, кого, где и при каких обстоятельствах расстреливать. Вот и только» [«Очистим Россию надолго...», 2008, с. 255].

Ко времени «Философского парохода» у большевиков накопилось к толстовцам множество претензий, в первую очередь речь шла о легальной пацифистской деятельности последних. Основания для легального пацифизма толстовцев были заложены в Советской России декретом СНК РСФСР «Об освобождении от военной повинности по религиозным убеждениям» от 4 января 1919 г., в соответствии с которым верующие, главным образом протестанты, освобождались от службы в Красной армии по религиозно-этическим убеждениям. Военная служба заменялась им решением суда санитарной службой. Решение судов во многом зависело от экспертизы искренности пацифистских убеждений, которая была возложена законом на общественную организацию, созданную в ноябре 1918 г. под эгидой толстовцев: Объединенный совет религиозных общин и групп (ОСРОГ).

Декрет 4 января 1919 г. стал возможным благодаря иллюзорным представлениям В.И. Ленина и В.Д. Бонч-Бруевича о сектантах как носителях идей социального равенства, наиболее склонных к восприятию и усвоению коммунистических идей [Müller, 1987, s. 509–533, Эткинд, 1996, с. 275–319; Эткинд, 1998]. Однако большевистское руководство достаточно быстро убедилось в том, что негативные последствия декрета в условиях Гражданской войны превышают для власти его возможные выгоды. Обеспокоенные количеством роста «отказников», большевики оперативно предприняли ряд мер, чтобы дезавуировать декрет.

¹ О теме Л.Н. Толстого и толстовцев в творчестве В.В. Маяковского см. подробнее: [Курьянова, 2018, с. 152–167].

² О праздновании юбилея см. [Гордеева, 2019, с. 414–423].

Первым актом, ограничивающим действие декрета, стал циркуляр Народного комиссариата юстиции (НКЮ) РСФСР № 694 от 5 июля 1919 г. «О применении декрета об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям» [ГАРФ, ф. Р-130, оп. 5, д. 893, л. 87]. В преамбуле документа утверждалось, что участились случаи поступления в суд дел об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям «от лиц, принадлежащих к организациям, не только не отрицающим своего деятельного участия в империалистических войнах в прошлом и настоящем, но и принимавших в них самое деятельное участие». Чтобы избежать этого, НКЮ РСФСР возложил на ОСРОГ личную ответственность за достоверность сведений о персональных пацифистских убеждениях лица, ходатайствующего об освобождении. В свою очередь суд получал право в любой момент отклонить письменное заключение экспертов ОСРОГ, «усмотрев из запроса самого просителя или путем свидетельских показаний, что искренность принадлежности его к религиозной секте или исповедания антимилитаристических религиозных убеждений должным образом не подтверждены» [ГАРФ, ф. Р-130, оп. 5, д. 893, л. 87].

Циркуляр НКЮ РСФСР «Об уклонении от воинской повинности по так называемым “религиозным убеждениям”» от 4 августа 1920 г. еще более урезал права пацифистов в суде. В нем утверждалось, что декретом от 4 января 1919 г. широко пользуются «шкурники», а виновником такого положения назывался ОСРОГ и его эксперты. В соответствии с циркуляром суд теперь окончательно и бесповоротно становился главным действующим лицом разбирательств по делам об освобождении от военной службы, не обязанным обращать какое-либо внимание на мнение представителей конфессий: «Разного рода экспертизы, удостоверения, свидетельства, выдаваемые иногда так называемым ОСРОГ или иными религиозными группами, частными организациями и лицами на руки просителя [...] ни в коем случае не могут иметь никакого официального значения или силы, помимо прямого назначения служить частью судебного материала, подлежащего проверке и обсуждению суда» [ГАРФ, ф. Р-353, оп. 4, д. 412, л. 9].

Декрет СНК РСФСР от 14 декабря 1920 г. «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям» фактически свел к нулю поле юрисдикции ОСРОГ. В соответствии с декретом ОСРОГ лишился исключительного права на экспертизу по делам «отказников», как организация, «оказывающая отрицательное воздействие на Красную армию». Тем не менее, суду разрешалось приглашать «для дачи экспертизы сведущих и внушающих доверие представителей соответствующих религиозных вероучений» [ГАРФ, ф. Р-353, оп. 8, д. 8. л. 68; Савин, 2009, с. 71–93].

Приказ ВЧК № 150 «Об усилении борьбы с контрреволюционным подпольем» от 1 декабря 1920 г. наглядно свидетельствует, что к концу 1920 г. толстовцы были отнесены руководством органов госбезопасности к группировкам, наиболее опасным для советской власти [Лубянка, 2003, с. 373–374]. 15 февраля 1921 г. коллегия ВЧК приняла решение об организации показательного судебного процесса над руководством ОСРОГ. Секретный отдел ВЧК должен был до начала процесса активизировать свою деятельность в отношении пацифистов и «учинить постоянное

агентурное наблюдение за вегетарианскими столовыми, союзом трезвенников и другими организациями, централизовавшимися вокруг ОСРОГ». Доклад в ЦК РКП(б) поручалось сделать А.А. Сольцу [РГАСПИ, ф. 17, оп. 112, д. 132, л. 97]¹.

В свою очередь Оргбюро ЦК РКП(б), заслушав 3 марта 1921 г. доклад «О деятельности Объединенного совета РОиГ», одобрило предложение ВЧК о возбуждении дела «против ОСРОиГ в лице тов. председателя его Шохор-Троцкого и др. за злоупотребления при выдаче удостоверений, освобождающих от военной службы». Оргбюро также подтвердило решение коллегии ВЧК «о придании широкого политического характера» судебному разбирательству [РГАСПИ, ф. 17, оп. 112, д. 132, л. 5]. 11 марта 1921 г. всем губчека было направлен циркуляр ВЧК за подписью Ф.Э. Дзержинского о выемке документов ОСРОГ [Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ, 2007, с. 266–267]. Во исполнение решения Оргбюро ЦК РКП(б) суд над деятелями ОСРОГ был оперативно организован и проведен в марте 1921 г.

Чуть менее криминальным, чем пацифизм, в глазах большевиков стало участие толстовцев во Всероссийском комитете помощи голодающим (ВКПГ): в состав комитета вошли А.Л. Толстая, В.Г. Чертков и В.Ф. Булгаков. Последний был арестован 27 августа 1921 г. в числе 28 членов ВКПГ [Высылка вместо расстрела, 2005, с. 53].

Постепенное завершение Гражданской войны и перемещение вооруженного противостояния на периферию способствовало, на первый взгляд, некоторому смягчению политики большевиков в отношении пацифистов. Согласно декрету ВЦИК от 16 сентября 1921 г. «О пересмотре дел о лицах, осужденных за уклонение от воинской повинности по религиозным убеждениям» народные суды были обязаны пересмотреть дела лиц, осужденных судебными органами, комиссиями по борьбе с дезертирством и чрезвычайными комиссиями за уклонение от воинской повинности и дезертирство по религиозным мотивам. Особые сессии при губернских советах народных судей должны были проверить дела отбывающих наказание и при доказанности искренности их убеждений или вовсе освободить их от военной службы, если годы их призыва уже были демобилизованы, или заменить лишение свободы работами, в том числе сельскохозяйственными или по специальности, если сверстники «уклонистов» все еще состояли на службе в Красной армии.

Однако политика примирения с широкими массами крестьянства нэповского образца, в рамках которой был принят декрет ВЦИК от 16 сентября 1921 г., отнюдь не распространялась на идейное руководство толстовцев. В свою очередь лидеры толстовцев даже после суда над руководством ОСРОГ и разгрома ВКПГ, ни в коей мере не отказались от пропаганды пацифистских идей. Чего стоило одно только обращение Совета Общества Истинной свободы в память Л.Н. Толстого в Президиум ВЦИК и ЦК РКП(б) от 3 ноября 1922 г. В тексте, адресованном «братьям-коммунистам», толстовцы призывали «в день празднования пятилетия Советской

¹ Парадоксальным образом этим же решением коллегии ВЧК был наложен запрет на выезд за границу В.Г. Черткова.

республики [...] уничтожить смертную казнь, это кровавое наследие деспотов и тиранов, вычеркнуть смертную казнь из судебного кодекса РСФСР и не допускать ее ни по суду, ни в виде внесудебной расправы» [РГАНИ, ф. 3, оп. 60, д. 21, л. 13]. Воззвание, наряду с И.И. Горбуновым-Посадовым, О.А. Дашкевич и К.С. Шохор-Троцким, подписал также В.Ф. Булгаков.

ВЫСЫЛКА КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА: МЕХАНИЗМ ИЗГНАНИЯ

А.И. Солженицын в «Круге первом» описывает шуточный суд, который заключенные шарашки устроили над князем Игорем Святославовичем, героем «Слова о полку Игореве». После того, как «защитник» попросил приговорить князя к наказанию немногим мягче, чем смертная казнь, а именно к высылке за границу, зрители были поражены, что такое немыслимое наказание вообще включено в Уголовный кодекс (УК) РСФСР. Действительно, УК 1922 г., статьи 32 «а» и 70, предусматривал такую меру социальной защиты как изгнание из пределов РСФСР «на срок или бессрочно». Это же положение перекочевало в УК РСФСР 1926 г. Статья 20, пункт «а», предусматривала «объявление врагом трудящихся с лишением гражданства Союза С.С.Р. и обязательным изгнанием из его пределов». 27 статья уточняла, что изгнание может быть только бессрочным. На самом деле, высылка политических противников за границу являлась специфической карательно-политической практикой, к которой коммунистическая власть прибегала редко. После «Философского парохода» следующей громкой высылкой стало изгнание из СССР Л.Д. Троцкого. Уже в середине 1930-х годов высылка советских граждан из страны как мера наказания была фактически отменена, а свежее испеченное Особое совещание при НКВД СССР получило право высылать только иностранцев. Самая крупная высылка иностранцев в количестве около девяти тысяч человек была предпринята в ходе «национальных» операций НКВД 1937–1938 годов [Аблажей, 2019]. В отношении же советских граждан высылка за границу как мера борьбы с инакомыслящими была возобновлена лишь в годы правления Л.И. Брежнева.

Главным инициатором высылки толстовцев являлась Комиссия по проведению декрета об отделении церкви от государства при ЦК РКП(б), более известная как Антирелигиозная комиссия (АРК). Созданная в октябре 1922 г., Комиссия не участвовала в формировании основной группы интеллигенции, высланной из Советской России летом–осенью 1922 г. С тем большим рвением члены АРК предлагали «кандидатов» для высылки, которая продолжилась в 1923 г. Уже на пятом заседании, 21 ноября 1922 г., АРК заслушала доклад об «административной высылке черносотенно-реакционных церковников» и приняла решение, «для определения каждого персонально назначенного в ссылку реакционно-монархического церковника, составить комиссию из т.т. Попова, Красикова и Менжинского, которой и поручить санкционировать высылку» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 112, д. 443а, л. 12].

И хотя толстовцы даже по классификации чекистов не относились к «черносотенным» церковникам, не говоря уже о «реакционно-монархических», именно их

духовные вожди оказались первыми кандидатами на высылку. 28 ноября 1922 г. комиссия приняла решение, «согласиться с предложениями ГПУ о высылке за границу руководителей правого крыла толстовства и союза христианских молодых людей» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 112, д. 443а, л. 17]. Ссылка на ГПУ указывает здесь на Е.А. Тучкова, бессменного секретаря Комиссии и начальника 6-го («церковного») отделения СО ГПУ. Из приложения к вышеназванному постановлению АРК, сохранившемуся в тематическом «церковном» деле Политбюро ЦК РКП(б), следует, что речь шла персонально о трех людях: В.Г. Черткове, В.Ф. Булгакове и В.Ф. Марцинковском. В качестве обоснования чекисты выдвигали два главных обвинения: «Антисоветская работа названных лиц среди сектантов вопреки примиренческим тенденциям в сектантской среде» и «Активная борьба против обновленческой части православного духовенства, публичные обвинения обновленцев как платных агентов ГПУ и Советской власти» [РГАНИ, ф. 3, оп. 60, д. 21, л. 19].

В конце первой декады декабря 1922 г. у Черткова был проведен обыск с изъятием, обыск был также проведен в квартире у находившегося в тот момент в Одессе Марцинковского [Остракизм по-большевистски, 2010, с. 532–533; Марцинковский, 1994, с. 228–229.]. Что же касается Булгакова, то его чуть не арестовали в Крыму в августе 1922 г., спутав с известным философом и богословом С.Н. Булгаковым [«Очистим Россию надолго...», 2008, с. 368–369.]. Все трое потенциальных кандидатов на высылку в середине декабря 1922 г. были допрошены на Лубянке заместителем начальника 6-го отделения СО ГПУ В.И. Ребровым, которого Марцинковский описывал как «бледного брюнета» лет 30, «с добродушной усмешкой на лице», вежливого и даже мягкого. Следовательно, по свидетельству Марцинковского, интересовал исключительно вопрос религиозного пацифизма, а также в какой степени верующие руководствуются в своих действиях «христианской совестью», а в какой – требованиями государства [Марцинковский, 1994, с. 228–232]. У допрошенных отобрали подписку о невыезде из Москвы, Чертков от этого категорически отказался [Шенталинский, 1996, с. 167–197].

19 декабря 1922 г. АРК подтвердила свою решимость, довести дело до конца и постановила, поручить ГПУ произвести высылку «руководителей антисоветских сект» из пределов России «в кратчайший срок» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 112, д. 443а, л. 21]. Во исполнение решения Комиссии, В.И. Ребров подготовил для руководства ГПУ 22 декабря 1922 г. заключение 6-го отделения СО в отношении Булгакова, Марцинковского и Черткова. Указав, что «дело возникло из агентурного материала», Ребров охарактеризовал толстовство и Российский студенческий христианский союз как «анархо-непротивленческие» секты, которые «разлагающе» действуют на Красную армию и «темные массы вообще», призывая не брать в руки оружие, не признавать власти и не выполнять повинности, налагаемые советской властью. Чтобы элиминировать вредоносное влияние Булгакова, Черткова и Марцинковского, Ребров предлагал выслать их в Германию. Тучков также расписался под документом. Заместитель начальника СО ГПУ Т.Д. Дерibas остался крайне недоволен подчиненными, отреагировав ядовитой резолюцией: «т. Тучкову. Я же

просил Вас продумать хорошенько это заключение. Ведь мы встретим большой отпор, а у нас, кроме “вообще” – ничего нет» [Остракизм по-большевистски, 2010, с. 364–365].

Тем не менее, чувствуя за собой поддержку АРК, Тучков передал дело на рассмотрение Комиссии НКВД по административным высылкам, которая 27 декабря 1922 г. приговорила Черткова и его «подельников» к высылке сроком на три года за границу [РГАНИ, ф. 3, оп. 60, д. 21, л. 17, Высылка вместо расстрела, 2005, с. 177.].

Однако это решение не стало окончательным. Тут же последовал «большой отпор», которого так боялся Дерибас. Уже 15 января 1923 г. заместитель наркома иностранных дел М.М. Литвинов написал заместителю председателя ГПУ И.С. Уншлихту о том, что «арест Черткова несомненно вызовет сильную агитацию за границей, в особенности в Англии», и что уже начинают поступать запросы от полпредов в связи с арестом [Остракизм по-большевистски, 2010, с. 158–159].

После этого Тучков получил 17 января 1923 г. указание от начальника СО ГПУ Т.П. Самсонова пересмотреть решение «в целях высылки на Кавказ» [Остракизм по-большевистски, 2010, с. 159]. Секретарь коллегии ГПУ Р.Д. Езерская-Вольф сообщала Л.З. Мехлису 12 февраля 1923 г. о том, что 18 января 1923 г. «Особая комиссия при ЦК РКП(б) по церковным делам постановила заменить ему [Черткову – А.С.] эту высылку высылкой в Крым» [РГАНИ, ф. 3, оп. 60, д. 21, л. 17]. Однако здесь она невольно дезинформировала личного секретаря Сталина: 18 января 1923 г. АРК не заседала, решение в отношении Черткова было вынесено Особой комиссией ВЦИК по уголовным делам. [РГАНИ, ф. 3, оп. 60, д. 21, л. 17]. Решение Особой комиссии ВЦИК в отношении Черткова было продиктовано постановлением Политбюро ЦК РКП(б), которое в тот же день, 18 января 1923 г., заслушав доклад Ф.Э. Дзержинского о высылках, приняло решение, исключить В.Г. Черткова из числа высылаемых за границу [Высылка вместо расстрела, 2010, с. 172].

В свою очередь В.Г. Чертков обратился 8 февраля 1923 г. с ходатайством на имя Л.Б. Каменева, в котором сообщил о предстоящей высылке в Крым¹. Тактика защиты, избранная им, была, наверное, единственно правильной. Можно согласиться с исследователем А.Д. Романенко, который дал Черткову следующую характеристику: «Тонкий политик и опытный царедворец [...] Чертков отлично понимал важность контактов именно с первыми лицами в государстве, имевшими право решать, казнить или миловать» [Из бумаг В.Г. Черткова, 2003, с. 218]. В своем ходатайстве Чертков предпочел не вступать в какие-либо дискуссии по поводу своей личной виновности, не говоря уже о толстовстве в целом. Напротив, он дал понять, что смиренно принял предстоящую высылку и просил лишь о том, что если его нельзя оставить в Москве, то выслать за границу, а не в российскую провинцию. Свою

¹ Как следует из обширной цитаты, приведенной В.А. Шенталинским, письмо практически аналогичного содержания было отправлено В.Г. Чертковым 8 февраля 1923 г. на имя секретаря президиума ВЦИК А.С. Енукидзе. См. [Шенталинский, 1996, с. 167–197].

позицию он подкрепляли интересами дела — издания наследия Толстого, ссылкой на свой преклонный возраст и плохое здоровье жены. В итоге ему удалось своим письмом «придать человеческое измерение холодному миру политики» [Тихомиров, 2013, с. 98–117]. Каменев отреагировал на письмо не по-большевистски, а по-человечески, наложив резолюцию: «Предлагаю оставить в Москве». Свою руку к ходатайству Черткова приложил также Л. Д. Троцкий, написавший: «А почему его высылают? Надо иметь справку ГПУ» [РГАНИ, ф. 3, оп. 60, д. 21, л. 25–25 об.].

Такую справку ГПУ предоставило в Секретариат ЦК РКП(б) 19 февраля 1923 г. В ней И. С. Уншлихт и Т. П. Самсонов вновь попытались убедить руководство партии в том, что именно Чертков и компания являются главными вдохновителями усиления «к-р. деятельности сектантских организаций как центре, так и на местах», в первую очередь в области отказа от военной службы и уплаты налогов. Еще один серьезный грех толстовцев заключался в том, что «сектантские организации» выступали вместе с «тихоновцами» против «прогрессивного церковного движения», т. е. обновленцев. Все это с точки зрения руководства ГПУ оправдывало «крутые меры против сектантских организаций и их идейных вдохновителей и руководителей» [РГАНИ, ф. 3, оп. 60, д. 21, л. 16.].

Однако позиция Л. Б. Каменева оказалась доминирующей. Протоирей Георгий Ореханов пишет в частности: «[...] некоторые будущие руководители большевистского движения, в первую очередь В. Д. Бонч-Бруевич, П. Г. Смидович, А. В. Луначарский, возможно, Ф. Э. Дзержинский, были связаны с В. Г. Чертковым довольно загадочными, но достаточно крепкими узами, позволявшими Черткову уже после большевистской революции 1917 г. решать сложные задачи [...] в конечном счете по совершенно непонятной причине В. Г. Чертков не только не был выслан из Советской России в 1923 г., но и вообще не подвергся никаким преследованиям» [Ореханов, 2010, с. 341]. Но никакой мистики в том, что Черткову удалось избежать высылки, на самом деле нет. Здесь сработал целый комплекс взаимосвязанных причин: оглядка большевиков на реакцию Запада, европейская известность В. Г. Черткова, его связи со старыми большевиками, а также, не в последнюю очередь, эффективная тактика защиты.

У В. Ф. Булгакова и В. Ф. Марцинковского таких высокопоставленных защитников не нашлось. Свой голос в защиту Булгакова подняли несколько человек. Сначала с письмом на имя М. И. Калинина и А. В. Луначарского обратились старейшие толстовцы И. И. Горбунов-Посадов, П. И. Бирюков и сам В. Г. Чертков, попросив не высылать Булгакова «во имя Толстого» [Шенталинский, 1996, с. 167–197]. 21 февраля 1923 г. со страстным полемичным письмом в защиту Булгакова обратилась в ЦК РКП(б) некто В. А. Верховская¹. Ее письмо можно рассматривать как кредо толстовцев. В частности, Верховская писала: «Не странно ли, что не нужен, даже вреден для коммунистической России человек, идеалы которого совпадают с вашими конечными

¹ Среди редакторов первого советского ПСС Л. Н. Толстого упоминается некто В. А. Верховская. Очевидно, речь идет об одном и том же человеке.

идеалами? [...] Путь к коммунизму через высшую “надстройку”, т.е. через совесть и этические императивы, через непротивление злом отвергается вами вследствие его “слабости”, “нежизненности” и “длительности”. Как же может помешать осуществлению ваших конечных идеалов человек, следующий по этому пути?» [РГАНИ, ф. 3, оп. 60, д. 21, л. 23–24]. 23 февраля 1923 г. безуспешно ходатайствовала за Булгакова перед Л.Б. Каменевым Т.Л. Толстая. В частности, она писала о том, что «качать за исповедание и выражение вечных истин – недостойно правительства, поставившего среди своих лозунгов принципы свободы, равенства и братства»¹. Не помогла Булгакову и его личная жалоба в Президиум ВЦИК, который утвердил постановление о высылке Булгакова в Германию сроком на три года [Остракизм по-большевистски, 2010, с. 245].

28 февраля 1923 г. Булгакову выдали справку о высылке за подписью Тучкова. По воспоминаниям В.Ф. Марцинковского, когда ему в начале января 1923 г. объявили на Лубянке о высылке совместно с Чертковым и Булгаковым, следователь заявил ему: «Ваша тройка последняя. Больше уже мы за границу высылать не будем» [Марцинковский, 1994, с. 234]². «Тройка» в феврале сократилась до «двойки», но выслать Булгакова и Марцинковского в Германию в течение 10 дней после получения документов на выезд у властей не получилось. Высылаемые сами должны были оплачивать свою высылку и хлопотать о визе, а немецкое посольство отнюдь не торопилось ее выдавать. В итоге АРК при ЦК РКП(б) приняла 6 марта 1923 г. следующее решение выслать Булгакова в Чехословакию (у него уже имелась соответствующая виза), а Марцинковского – в Туркестан [РГАСПИ, ф. 17, оп. 112, д. 443а, л. 32–33]. На этом же заседании комиссия поручила Тучкову провести обыски «у баптистов, толстовцев и евангелистов, в гор. Москве и Петрограде, как в молитвенных домах (общинах), так и на домах у руководителей этих сект» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 112, д. 443а, л. 33].

30 марта 1923 г. В.Ф. Булгаков покинул Родину. Марцинковский ехать в Туркестан отказался, и когда речь в начале апреля 1923 г. зашла о насильственной отправке в Азию «с воинским эшелонном», также смог получить визу в Чехословакию и выехать 20 апреля 1923 г. из СССР. Перед высылкой у него на Лубянке взяли обязательство не устраивать публичных проводов, «а то вот Булгаков уезжал – и много шума было на вокзале» [Марцинковский, 1994, с. 251]. На самом деле шума было много не только на вокзале: 5 марта 1923 г. в музее Толстого состоялся прощальный вечер, на котором выступили И.И. Горбунов-Посадов, Т.Л. Толстая и сам В.Ф. Булгаков. По приезде в Чехословакию Булгаков был принят президентом республики Томашем Масариком, посещавшим Л.Н. Толстого в Ясной Поляне в 1910 г. [Остракизм по-большевистски, 2010, с. 593].

¹ Обширная цитата из письма приведена в: См. [Шенталинский, 1996, с. 167–197].

² Слова сотрудника ГПУ в целом соответствовали действительности. Например, 20 марта 1923 г. АРК приняла решение о высылке из СССР лидера евангельских христиан И.С. Проханова, но это решение так и не было претворено в жизнь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

П.Г. Смидович в своем ответном письме толстовцам от 26 июня 1923 г. так оправдывал высылку В.Ф. Булгакова: «[...] до сих пор мы как бы в осаде и должны быть наготове [...] Булгаков же говорил: [...] сложим оружие, оставим ряды Красной Армии, ибо нельзя убивать даже врага своего [...] откажемся платить продуктовый и другие налоги, ибо на это содержится Красная Армия. [...] Из осаждаемой крепости, где слова его вредны народному делу, мы выслали его туда, где его слова, может быть, принесут хоть малую пользу в борьбе трудящихся за свободу» [Крапивин, Лейкин, Далгатова, 2003, с. 174]. В 1928 г. Маяковский так обыграл эту идею художественно: «Я сам к Толстому начал креститься. Мне нравится ихняя агитация, но только... не здесь, а за границей. Там бы вы, не сбежавшие ленью, поагитировали страну чемберленью» [Маяковский, 1958, с. 308–309].

Судьбы толстовцев Черткова и Булгакова, а также «примкнувшего к ним» Марцинковского сложились по-разному. Чертков до смерти выступал в качестве заступника за репрессированных религиозных пацифистов, параллельно занимаясь популяризацией наследия Толстого [Папков, 1997, с. 176–185]. Булгаков безуспешно попытался возвратиться в Россию по истечению трехлетнего срока высылки. Он вернулся в СССР только в 1949 г. и до своей смерти в 1966 г. был директором музея Л.Н. Толстого и хранителем Ясной Поляны [Шенталинский, 1996, с. 167–197]. Марцинковский безуспешно пытался вернуться в СССР в 1930-е годы, проповедовал христианство до конца жизни и умер в Израиле в 1971 г.

Антирелигиозная комиссия продолжила свой крестовый поход на толстовцев в январе 1924 г. Она предложила Народному комиссариату юстиции «составить проект постановления о ликвидации Объединенного Совета сектантов и провести таковой через ВЦИК» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 112, д. 443а, л. 51]. Спустя два с небольшим года, 6 марта 1926 г., АРК приняла следующее решение: «Ввиду явно вредной деятельности толстовцев, выразившейся в антимилиитар[истской] и антисоветской пропаганде, издании нелегального журнала и т.д., поручить ОГПУ принять соответствующие меры. Вопрос о регистрации вегетарианского об-ва рассмотреть после принципиального решения его в Секретариате ЦК» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 112, д. 353, л. 7]. 8 октября 1926 г., заслушав доклад Тучкова о регистрации Московского вегетарианского общества, АРК разрешила регистрацию при условии, «если это общество не будет заниматься никакой другой деятельностью, кроме содержания и обслуживания вегетарианских столовых» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 112, д. 353, л. 20]. В 1928 г. толстовцы еще смогли публично отпраздновать 100-летний юбилей со дня рождения Л.Н. Толстого. К этому времени фактически вся легальная деятельность толстовцев была в СССР свернута. Последние детища толстовцев — сельскохозяйственные коммуны — напоминавшие о том, что коллективизация могла быть добровольной и ненасильственной, были ликвидированы в середине 1930-х годов [Даценко, 1994, с. 125–197].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аблажей Н.Н. Депортации из СССР периода Большого Террора // *Исторический курьер*. 2019. № 1 (3). Статья 8. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-1-08.pdf> (дата обращения – 15 июля 2020 г.).

Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1923. Сост. В.Г. Макаров, В.С. Христофоров. М.: Русский путь. 2005. 544 с.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-130. Оп. 5. Д. 893.

ГАРФ. Ф. Р –353. Оп. 4. Д. 412.

ГАРФ. Ф. Р –353. Оп. 8. Д. 8.

Гордеева И. Толстовцы и неофициальное празднование юбилея Л.Н. Толстого в 1928 г. // *Конфессиональная политика советского государства в 1920–1950-е годы: Материалы XI Международной научной конференции*. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 414–423.

Даценко А.Г. Из жизни толстовских коммун в Сибири // *Возвращение памяти: историко-публицистический альманах*. Вып. 2. Новосибирск: [б. и.], 1994. С. 125–197.

Из бумаг В.Г. Черткова и его современников / Вступ., публ. и примеч.

А.Д. Романенко // *Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания* / Воронежский государственный университет. Воронеж, 2003–2004. Вып. 19. 2003. С. 214–245.

Курьянова В.В. Толстовский миф в творчестве В.В. Маяковского // *Litera*. 2018. № 4. С. 152–167.

Крапивин М.Ю., Лейкин А.Я., Далгатов А.Г. Судьбы христианского сектантства в Советской России (1917–конец 1930-х годов). СПб: из-во С-Петербургского университета, 2003. 307 с.

Лубянка: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991. Справочник. М., 2003. 768 с.

Марцинковский В. Записки верующего. Новосибирск: Посох, 1994. 271 с.

Маяковский В.В. Вегетарианцы («Обликом своим белея...») // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 9. М., 1958. С. 308–309.

Маяковский В.В. Лев Толстой и Ваня Дылдин («Подмастерье Ваня Дылдин...») // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 7. М., 1957. С. 192–195.

Маяковский В.В. Непобедимое оружие («Мы окружены границей белой...») // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 9. М., 1958. С. 331–333.

Остракизм по-большевистски. Преследование политических оппонентов в 1921–1924 гг. М.: Русский путь. 2010. 800 с.

«Очистим Россию надолго...». Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921–начало 1923 г. Под редакцией А.Н. Артизова, В.С. Христофорова. М.: МФД: Материк, 2008. 848 с.

Ореханов Г. Русская Православная Церковь и Л.Н. Толстой. Конфликт глазами современников. М.: ПСТГУ, 2010. 696 с.

Папков С.А. Заложники совести (Толстовцы на Соловках) // *Возвращение памяти: историко-публицистический альманах*. Вып. 3. Новосибирск: [б. и.], 1997. С. 176–185.

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 60. Д. 21.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 112. Д. 132.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 443а.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 353.

Савин А.И. Альтернативная гражданская служба в советской России в 1920–1930-е годы: нормативно-правовое поле и практическая организация. // *Институты гражданского общества в Сибири (XX–начало XXI в.)*. Сб. научных статей под редакцией В.И. Шишкина. Новосибирск, 2009. С. 71–93.

Тихомиров А.А. «Режим принудительного доверия» в Советской России, 1917–1941 годы // *Неприкосновенный запас*. 2013. № 6(92). С. 98–117.

Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. 1917–1926 / Сост. А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М., 2007. 868 с.

Шенталинский В.А. Донос на Сократа // *Новый мир*. 1996. № 11. С. 167–197.

Эткинд А. Русские секты и советский коммунизм: проект Владимира Бонч-Бруевича // *Минувшее. Исторический альманах*. 1996. Т. 19. С. 275–319.

Эткинд А. Хлыст. Секты, литература и революция. М.: НЛО, 1998. 688 с.

Müller E. Opportunismus oder Utopie? V. D. Bonc-Bruevič und die russischen Sekten vor und nach der Revolution // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1987. № 35. S. 509–533.

REFERENCES

Ablazhei N.N. Deportatsii iz SSSR perioda Bol'shogo Terrora [Deportations from the USSR during the Great Purge], in *Istoricheskii kur'er*. 2019. № 1 (3). Stat'ya 8. Available at: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-1-08.pdf> (accessed 15 July 2020).

Vysylka vmesto rasstrelya. *Deportatsiya intelligentsii v dokumentakh VChK-GPU. 1921–1923* [Deportation instead of the firing squad. Deportation of intellectuals in the documents of VChK-SPD. 1921–1923]. Sost. V.G. Makarov, V.S. Khristoforov. M.: Russkii put'. 2005. 544 p. (in Russian).

State archive of the Russian Federation (GARF). F. R-130. Op. 5. D. 893.

GARF. F. R –353. Op. 4. D. 412.

GARF. F. R –353. Op. 8. D. 8.

Gordeeva I. Tolstovtsy i neofitsial'noe prazdnovanie yubileya L.N. Tolstogo v 1928 g. [Tolstoyans and unofficial celebration of the anniversary of L.N. Tolstoy in 1928], in *Konfessional'naya politika sovetskogo gosudarstva v 1920–1950-e gody: Materialy XI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Confessional policy of the Soviet state in the 1920s–1950s: Proceedings of the XI International Scientific Conference]. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2019. Pp. 414–423 (in Russian).

Datsenko A.G. Iz zhizni tolstovskikh kommun v Sibiri [Excerpts from the lives of tolstoyans communes in Siberia], in *Vozvrashchenie pamyati: istoriko-publitsisticheskii al'manakh* [Return of Memory: Historical and Publicistic Almanac]. Vyp. 2. Novosibirsk: [b. i.], 1994. Pp. 125–197 (in Russian).

Iz bumag V.G. Chertkova i ego sovremennikov [Documents of V.G. Chertkov and his contemporaries]. Vstup., publ. i primech. A.D. Romanenko, in *Filologicheskie zapiski: Vestnik literaturovedeniya i yazykoznaniya*. Voronezhskii gosudarstvennyi universitet. Voronezh, 2003–2004. Vyp. 19. 2003. Pp. 214–245 (in Russian).

Kur'yanova V.V. Tolstovskii mif v tvorchestve V.V. Mayakovskogo [Tolstoy myth in the works of V.V. Mayakovsky], in *Litera*. 2018. № 4. Pp. 152–167 (in Russian).

Krapivin M.Yu., Leikin A.Ya., Dalgatov A.G. *Sud'by khristianskogo sektantstva v Sovetskoj Rossii (1917–konets 1930-kh godov)* [The fate of Christian sectarianism in Soviet Russia (1917–end of the 1930s)]. SPb: iz-vo S-Peterburgskogo universiteta, 2003. 307 p. (in Russian).

Lubyanka: Organy VChK–OGPU–NKVD–NKGB–MGB–MVD–KGB. 1917–1991. Spravochnik. [Institutions VchK-OGPU-NKVD-NKGB-MGB-MVD-KGB. 1917–1991]. M., 2003. 768 p. (in Russian).

Martsinkovskii V. *Zapiski veruyushchego* [The memoirs of the believer]. Novosibirsk: Posokh, 1994. 271 p. (in Russian).

Mayakovskii V. V. Vegetariantsy (“Oblikom svoim beleya...”) [Vegetarians (My face turning pale...)], in Mayakovskii V.V. *Polnoe sobranie sochinenii: V 13 t. T. 9*. M., 1958. Pp. 308–309 (in Russian).

Mayakovskii V.V. Lev Tolstoi i Vanya Dyldin (“Podmaster'e Vanya Dyldin...”) [Lev Tolstoy and Vanya Dyldin (Apprentice Vanya Dyldin)], in Mayakovskii V.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t. T. 7*. M., 1957. Pp. 192–195 (in Russian).

Mayakovskii V.V. Nepobedimoe oruzhie (“My okruzheny granitsej beloi...”) [Invincible weapon (We are surrounded by white border)], in Mayakovskii V.V. *Polnoe sobranie sochinenii: V 13 t. T. 9*. M., 1958. Pp. 331–333 (in Russian).

Ostrakizm po-bol'shevistski. Presledovanie politicheskikh opponentov v 1921–1924 gg. [Bolshevist ostracism. Repression of political opponents during 1921–1924]. M.: Russkii put'. 2010. 800 p. (in Russian).

“Ochistim Rossiyu nadolgo...” Repressii protiv inakomyslyashchikh. Konets 1921–nachalo 1923 g. [“Purify Russia for a long time...” Repressions dissidents. End of 1921st–beginning of 1923rd]. Pod redaktsiei A.N. Artizova, V.S. Khristoforova. M.: MFD: Materik, 2008. 848 p. (in Russian).

Orekhov G. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i L.N. Tolstoi. Konflikt glazami sovremennikov*. [Russian Orthodox Church and L.N. Tolstoy. Conflict through the eyes of contemporaries] M.: PSTGU, 2010. 696 p. (in Russian).

Papkov S.A. *Zalozhniki sovesti (Tolstovtsy na Solovkakh)* [Prisoners of conscience (Tolstoyans in Solovki)], in *Vozvrashchenie pamyati: istoriko-publitsisticheskii al'manakh* [Return of Memory: Historical and Publicistic Almanac]. Vyp. 3. Novosibirsk: [b. i.], 1997. Pp. 176–185 (in Russian).

Russian State Archives of Contemporary History (RGANI). F. 3. Op. 60. D. 21.

Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F. 17. Op. 112. D. 132.

RGASPI. F. 17. Op. 112. D. 443a.

RGASPI. F. 17. Op. 113. D. 353.

Savin A.I. *Al'ternativnaya grazhdanskaya sluzhba v sovetskoj Rossii v 1920–1930-e gody: normativno-pravovoe pole i prakticheskaya organizatsiya* [Alternative civilian service in soviet Russia during 1920s–1930s: legal field and practical organization], in *Instituty grazhdanskogo obshchestva v Sibiri (XX–nachalo XXI v.)* [Civil society institutions in Siberia (XX–early XXI centuries)]. Sb. nauchnykh statei pod redaktsiei V.I. Shishkina. Novosibirsk, 2009. Pp. 71–93 (in Russian).

Tikhomirov A.A. *“Rezhim prinuditel'nogo doveriya” v Sovetskoj Rossii, 1917–1941 gody* [“The regime of forced trust” in Soviet Russia during 1917–1941], in *Neprikosnovennyi zapas*. 2013. № 6(92). Pp. 98–117 (in Russian).

F.E. Dzerzhinskii – predsedatel' VChK–OGPU. 1917–1926 [F.E. Dzerzhinsky – the chairman of VChK–OGPU: 1917–1926]. Sost. A.A. Plekhanov, A.M. Plekhanov. M. 2007. 868 p. (in Russian).

Shentalinskii V.A. *Donos na Sokrata* [Denunciation of Socrates], in *Novyi mir*. 1996. № 11. Pp. 167–197 (in Russian).

Etkind A. *Russkie sekty i sovetskii kommunizm: proekt Vladimira Bonch-Bruевичa* [Russian sects and soviet communism: the project of Vladimir Bonch-Bruевич], in *Minuvshee. Istoricheskii al'manakh*. M.; SPb, 1996. T. 19. Pp. 275–319 (in Russian).

Etkind A. *Khlyst. Sekty, literatura i revolyutsiya* [The whip, sects, literature and revolution]. M.: NLO, 1998. 688 p. (in Russian).

Müller E. *Opportunismus oder Utopie? V. D. Bonch-Bruевич und die russischen Sekten vor und nach der Revolution*, in *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1987. № 35. Pp. 509–533.